

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

ОСТРОВ-МУЗЕЙ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСТРОВА КИЖИ*

Статья посвящена музейным мотивам, составляющим характерную особенность кижских сюжетов русской литературы. Музейный статус острова выделяет Кижь в ряду других островных топонимов – как вымышленных (Утопия, остров Буян, острова блаженных), так и реально существующих. В художественные тексты об острове проникают музейные реалии (пространство музея, экскурсия, образы хранителей и посетителей). Рассматривается их семантика и роль в сюжетах художественных текстов, а также особенности их репрезентации. Исследование базируется на материале русской прозы о Кижях периода 1930–2000-х годов.

Ключевые слова: мотив, поэтика, реалии, островной текст

Среди исследований, дающих представление о том, как отражены в художественных текстах самые разные явления человеческого и природного мира, трудно найти специальные работы, которые освещали бы особенности поэтической (в широком смысле) репрезентации музея как культурного феномена и как места. Может возникнуть впечатление, что словесность обходит стороной музеи и их жизнь. Но это не так. Образ музея регулярно встречается в русской литературе, начиная как минимум с «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. В романе И. С. Тургенева «Накануне» Елена с Инсаровым смотрят картины в венецианской галерее искусств; в очерке Г. Успенского «Выпрямила» герой оказывается в парижском Лувре; в детском стихотворении С. Михалкова сестра ведет мальчика в Исторический музей; в музее-усадьбе разворачивается действие рассказа М. Булгакова «Ханский огонь»; в этом же ряду «Заповедник» С. Довлатова и т. д. Интерес к многогранным отношениям литературы и музея оживился, кажется, только в самые последние годы и сразу приобрел междисциплинарный характер. В отдельных случаях к осмыслению привлекается и материал художественной литературы. Например, в научном сборнике «Музей и личность», вышедшем в 2007 году под редакцией А. Лебедева, заключительный раздел отведен художественным текстам, в которых возникает образ и тема музея (Гете, Цветаева, Набоков, Пелевин) [9; 138–168]. Выборка авторов и произведений в нем может быть подвержена критике, явно не претендует на исчерпывающий характер и может быть в дальнейшем значительно дополнена.

Один из интересных примеров проникновения в художественную литературу музейных мотивов дает остров Кижь, а точнее его литературная репрезентация, в которой большую роль

играет тема исторической и культурной памяти. Эта тема, как и вся современная история острова, тесно связана с историей кижского музея-заповедника деревянного зодчества. До начала XX столетия Кижь был малоизвестным островком, затерянным «далеко на Севере»¹. Затем совершилось его открытие художниками, приезжавшими писать с натуры уникальный Кижский погост. В 1920–30-е годы образ острова Кижь появляется в русской литературе в поэмах Н. Клюева и в прозе К. Паустовского. Однако до конца 1950-х годов эти обращения в словесных текстах носили дискретный, точечный, необязательный характер. Например, в травелогах начала XX века упоминание о Кижях гораздо менее обязательно, нежели посещение воспетого Державиным водопада Кивач. Этапной в формировании кижского текста стала организация в 1950-е годы государственного музея-заповедника деревянного зодчества. В этот период на острове начинается реставрация Преображенской церкви. С середины 1950-х годов сюда приезжают первые туристы: «В 1955 Кижский архитектурный заповедник официально принял первых посетителей. В штате появилась должность экскурсовода, а для обеспечения порядка были выделены два дежурных милиционера. Экскурсанты прибывали на остров на пароходе, швартовавшемся к причалу прямо напротив архитектурного ансамбля. Кижский погост стал экскурсионно-туристическим центром, представляющим культурно-просветительский и научный интерес» [8; 17]. Параллельно с этим в печати 1960–70-х годов появляются десятки стихотворений, рассказов и повестей, связанных с Кижями. Этот период – время активного формирования мифа об острове как о некоем идиллическом пространстве, куда литературные герои отправляются за гармонией, которой часто не могут найти в современности [14; 78–79].

Хотя основы мифа о Кижях закладываются гораздо раньше, еще в фольклорных источниках, в частности в заонежских исторических преданиях об острове, «Плаче о старосте», записанном Е. Барсовым от Ирины Федосовой [1, 231–236], [6; 45–46, 179].

Начиная с 1960-х годов в текстах, вдохновленных островом Кижь, появляются музейные мотивы, отражающие особенности места, его реалии и колорит. Вот, например, описание кижского ландшафта в рассказе советской писательницы И. Стрелковой «Лешка и хиппи»: «В болотистой низинке, где для экскурсантов перекинули дощатые мостки, выкашивала свой участок бабушкина подружка баба Маня. Все копны сена, красиво разбросанные по острову, были не музейные, не для исторической картины, а простое сено личного скота работников заповедника» [13; 32]. То и дело в рассказе попадаются детали, относящиеся к жизни музея-заповедника под открытым небом, центр которого – Кижский Погост с его храмами: «И в это самое время из собора вышли туристы, заиграли на солнце стекла очков, окуляры биноклей, кинокамер, фотоаппаратов. За туристами – вот удача! – показался Толя-экскурсовод» [13; 33]. Жизнь музея, его территория не выделены автором в отдельную тему. В рассказе И. Стрелковой, как и в большинстве произведений об острове, музейные мотивы лишь часть общей пространственной картины. Особенно заметны они в прозе, где пространство и время представлены развернуто, а повествование не сковано лирическим стремлением к концентрации на «миге» (по Т. Сильман). В лирических текстах о Кижях музейных мотивов гораздо меньше. Тема исторической памяти звучит в них, пожалуй, с той же интенсивностью, однако получает иные способы реализации. Это различие в структуре прозаических и поэтических сюжетов о Кижях заслуживает отдельного рассмотрения. В настоящей статье мы остановимся только на эксплицитных музейных мотивах кижской прозы.

Интенсивнее и разнообразнее всего музейные реалии представлены в произведениях тех авторов, чья деятельность была непосредственно связана с музеем Кижь (В. Пулькин, Б. Гущин). В 1973 году в Москве вышел сборник В. Пулькина «Кижские рассказы». Литературно обработанные кижские предания и легенды (по авторскому определению – сказы) перемежаются в нем с рассказами и очерками, в которых разносторонне представлена жизнь острова. В систему персонажей книги наряду с мифологическими и легендарными Нестором, Петром I и аборигенами острова, заонежскими крестьянами и сказителями входят современники автора – экскурсоводы, хранители, реставраторы и музейщики. В авторских отступлениях схвачена островная музейная жизнь. Например, быт музейщика: «Над столом

прикреплен строгий директорский наказ и руководство к действию – “Обязанность ответственного дежурного на острове-музее² «Кижь»”. На столе – свеча и рукописи этих рассказов, книги по истории, географии, фольклористике, этнографии. Сойдя с лыж или поставив лошадь в стойло, я прихожу, топлю печь и, придвинув поближе свечу, читаю свои последние записи, – и статьи о Заонежье, о Кижях давних исследователей» [12; 49]. Такого рода внутренних музейных деталей в кижских текстах немного. Гораздо чаще появляется взгляд на музейный остров извне, и здесь на первый план выходит опыт посетителя музея, впервые шагнувшего на кижскую землю: «...публика нетерпеливо выплескивается на дебаркадер. Сбегают по сходням полосатые пижамы, пестрые куртки с капюшонами и без капюшонов, шумные шуршащие болоньи, молодеватые округлоплечие свитеры... По длинным лавам, высланным на сваях от пристани к берегу, над зеленой стоялой водой, над осоками сходят на островную твердь и с выражением чинного умиления принимаются озиаться вокруг.

Рейсовый массовик-затейник велит всем ожидать тут, на берегу, сам же озабоченно и всезнающе бежит в гору в музейную конторку – договариваться насчет экскурсии. От нечего делать публика разбредается по берегу, читает всякие надписи и указатели, разглядывает причаленные туземные лодки или просто смотрит, как плещется усталая озерная волна на дробном береговом камешнике» [11; 238].

Особенности места, в том случае если действие разворачивается не в воображаемом пространстве, а «списано с действительности», как мы видим, получают закономерное отражение в литературно-художественных текстах. Общий миметический принцип подкрепляется в данном случае реалистической направленностью рассматриваемых произведений, социально-психологическим звучанием прозы, в рамках которой возникли и закрепились кижские сюжеты (элементы фольклорной фантастики в некоторых произведениях не отменяют, а лишь дополняют это утверждение).

Музейные образы и мотивы входят в кижские сюжеты, отсылая к обстоятельствам места и времени, обозначая связь между локусом и образом, между местом и символом места. Иногда эта связь позволяет локус в тексте опознать, если он не назван. Так, характерные реалии служат примером топографической конкретики в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева» (1962), навеянном поездкой автора в Карелию и на остров Кижь в 1959 году. Казаков в рассказе прямо нигде не назвал остров. Более того, в соответствии с замыслом широкого символического обобщения он изменил всю топонимику. Но сохранил при этом узнаваемые черты местности – карельские реалии, остров на озере, знаменитую своей ар-

хитектурой церковь, которую едет писать герой рассказа, художник Агеев. В рассказе Казаков дважды называет остров и его строения «музейными». Причем оба раза определение появляется в значимых, «сильных» местах описания. Первое – в эпизоде прибытия героев на остров: «Когда совсем подошли к острову, стала видна ветряная мельница, прекрасная старинная изба, амбарные постройки – все пустое, неподвижное, музейное» [4; 265]. Второе – в момент отъезда возлюбленной героя в финале рассказа: «Агеев повернулся к свету спиной и увидел, как луч прожектора дымно дрожит на прекрасной старой музейной избе» [4; 279].

«Музейный» характер острова при этом получает разную интерпретацию у разных авторов. Неоднозначны коннотации эпитета «музейный» в рассказе Ю. Казакова. Показанный глазами героя-художника, остров по первому впечатлению кажется неприветливым, почти неживым. Определение «музейный» стоит в одном ряду с эпитетами «пустой», «неподвижный». Первый взгляд на остров вызывает в герое «веселую злость» и сарказм, с которым он комментирует свою высадку: «Как раз для меня <...> Как раз, так сказать, на передний край семилетки, а?» [4; 265]. «Веселая злость» – сложное переживание, в котором сочетаются и позитивная, и негативная эмоции. Негативная оценка «музейного» как искусственного, нарочитого, неживого обнаруживается и в отзыве о Кижках Юрия Нагибина в его дневнике 1980 года, где он описывает свое путешествие по маршруту Ленинград – Шлиссельбург – Валаам – Петрозаводск – Киж – Кондопога – Марциальные воды – Архангельск – Новые Карелы – Соловки: «Красивый город Петрозаводск, а Киж разочаровали, уж слишком выставочный у них вид. Врать не стану: впечатление нулевое, хотя главная церковь очень хороша. Но там музей деревянной скульптуры, а рядом рыбный ресторан, пристань, полно туристов, и поэзия убита наповал» [10; 385–386]. Чем убита поэзия? О какой поэзии идет речь? «Ресторан, пристань, туристы» заставляют думать, что речь идет о романтическом дискурсе, где единый семантический ряд связывает поэзию-истину-храм как проявления духовной жизни в противопоставлении «прозе»-фальши-торжищу как атрибутам духовной смерти. Образ музея, как мы видим, может быть окружен отрицательными коннотациями (у Нагибина) или иметь выраженный амбивалентный характер (у Казакова). Амбивалентность «музейного» у Казакова органично вписана в амбивалентную поэтику рассказа вообще. Точно так же противоречив в этом рассказе и главный герой, и все, на что мы смотрим его глазами, и шире – противоречиями живет, может быть, вся, и, совершенно определенно, ранняя проза писателя (см., например, рассказы «Странник», «Нестор и Кир» и т. п.). Неслучай-

но в одном месте рассказа Казакова «музейное» поставлено в один ряд с «неживым», а в другом случае – с «прекрасным»: «...луч прожектора дымно дрожит на прекрасной старой музейной избе». Металитературное, дневниковое высказывание Нагибина более однозначно, оценка здесь выражена более прямолинейно. И возникает она неслучайно. За ней – особая традиция в восприятии музейного пространства.

Неоднозначность, поливалентность образа музея, вариативность его коннотаций, как кажется, заложены в неоднородности исторически сложившихся музейных концепций. Например, «романтической», в рамках которой музей – это универсальное средство обретения «культурного одиночества», отшельничества, «своеобразная культурная Фиваида, где совершается сознательный выбор в пользу одиночества, возникает одиночество намеренное и особым образом организованное» [9; 6]. Или «просветительской» концепции «внесения в массы образования через музей», в рамках которой музейное пространство непреложно связано с массовостью [9; 6]. Контекстная семантика эпитета «музейный» в литературном произведении формируется в столкновении или диалоге авторского сознания с той или иной концепцией музея. Для Казакова и Нагибина приемлемой формой соприкосновения со стариной оказывается первая, романтическая, модель, и все, что от нее отклоняется в сторону публичного, искусственно организованного пространства, все «туристическое» вызывает отторжение. Вполне характерно, что «главная» Преображенская церковь оценена Нагибиным как подлинная, и она «очень хороша», а все организованное туристическое пространство отвергнуто – «впечатление нулевое». Следы антиномии «музейное» vs «живое» обнаруживаются во многих кижских сюжетах, иногда в имплицитном виде, как, например, в цитированном выше описании кижского ландшафта у И. Стрелковой, где неслучайно подчеркнуто, что «копны сена, красиво разбросанные по острову, были не музейные, не для исторической картины». Киж здесь – живое пространство, где рядом с погостом и музейными избами стоят деревни, ведут свое хозяйство местные жители, идет своим чередом заонежская жизнь.

«Остров-музей» может восприниматься, таким образом, как пространство живое или мертвое, подлинное или имитированное. Влияют на это, вероятно, многие причины. К сожалению, далеко не всегда нам известны обстоятельства знакомства того или иного автора с островом, его реальное впечатление от места. Но в тех случаях, когда эти обстоятельства нам известны, можно, как кажется, говорить об определенной закономерности, связанной не в последнюю очередь с тем, насколько глубоко удалось автору соприкоснуться с островной жизнью. В этом смысле зако-

номерной выглядит критическая оценка Нагибина, попавшего на остров в ходе ознакомительной поездки в самый пик туристического сезона (вся одиннадцатидневная поездка пришлось на конец июня – начало июля), мимоходом. Гораздо сложнее и богаче были впечатления Казакова, попавшего, как мы знаем из его писем В. Конецкому, на остров совсем при других обстоятельствах, в сентябре, когда постепенно иссякает поток туристов, и имевшего возможность соприкоснуться на десять дней с подлинной островной жизнью, питаясь «рыбой, молоком и картошкой» и, конечно, живыми северными впечатлениями, которых Казаков в этой поездке искал [7; 352]. И в «Адаме и Еве» это обстоятельство аутентичного, «нетуристического» знакомства с островом акцентировано автором: «Никто не сошел на этом островке, кроме них двоих. И никого не было на деревянной открытой пристани, одна сторожиха с зажженным фонарем, хоть было еще светло <...> На берегу показалась женщина в ватнике и сапогах, она еще издали заулыбалась. – Только двое? – весело крикнула она и заспешила навстречу, переводя взгляд с Агеева на Вику. А когда подошла, взяла чемодан у Вики и заговорила – показалось, что она давно ждала их. – Вот и славу богу, – быстро и ласково говорила она, поднимаясь вверх по берегу. – А я уж думала, никого в этом году не будет, все кончилось. Зимовать собралась...» [4; 265].

Видимо, неслучайно как наиболее живое и подлинное пространство заповедного острова показано в «Кижских рассказах» В. Пулькина, уроженца Заонежья, работавшего в музее, жившего на острове многие месяцы и зимой, и летом, знавшего Кижь с самых разных сторон, собиравшего легенды, предания и сюжеты, связанные с этим местом, и стремившегося познакомить своего читателя с этой внутренней жизнью острова, не всегда доступной музейному посетителю. Прикоснуться к скрытой от большого мира жизни можно через длительное пребывание на острове, родственное скорее отшельничеству, нежели туристической прогулке. Чаще всего оно осеннее или зимнее – поздней осенью, уже по окончании туристического сезона прибывает на остров герой рассказа «Адам и Ева»; «зимовщиком-пустынником» называет себя музейщик в сказе «Мастер Нестер» [12; 73]. Впрочем, такое пребывание может быть и летнее: «Ведь это страсть, сколько народищцу к нам в Кижь наезжает! <...> Которы на барже-дебаркадере устроятся – так обрадеют, что уж до победного конца живут – весь свой отпуск препровождают в Кижях!» [12; 18].

Укажем на другой аспект функционирования музейных мотивов – их место в структуре сюжета. Наряду с пространственными деталями (реалии и быт острова-заповедника), персонажами (туристы, экскурсоводы) в ткань кижской

прозы проникают тематически связанные мотивы. Самый яркий пример – мотив экскурсии, который с обращающей на себя внимание частотностью обнаруживается в прозаических художественных и очерковых текстах о Кижях. В эксплицитной форме такие эпизоды неоднократно встречаются в «Кижских рассказах» В. Пулькина. Например, в «Венчальном камне» рассказ ведет старая заонежанка, которая добирается до места с туристической кометой и попутно слушает радиоэкскурсию для туристов: «Тут маленький коробок висит. Заскворчало что-то в нем да ее (молодой спутницы. – Н. Ш.) голосом и заговорило. Все как есть про ближние острова Ивановские, да про Онего-озеро, про Кижь. У меня чай стынет, я сижу, слушаю» [12; 20]. Музейный статус острова сообщает мотиву экскурсии настолько важное структурное значение, что трудно найти прозаический текст, где бы этот мотив в той или иной мере не проявился. Это может быть «внешнее» изображение экскурсовода с экскурсантами. Но для кижских сюжетов еще более специфичны включения в текст своего рода исторических справок, родственных текстам экскурсий и путеводителей. Характерный пример того, как реалии острова проникают в художественный текст через мотив экскурсии, мы видим в рассказе А. Житинского «Путевка в Кижь». По сюжету молодая пара сбегает из дому, обманывает домашних, чтобы скрыть свое настоящее местонахождение в городе. Родным сообщают, что герои едут на остров Кижь. Вернувшись в финале домой, главный герой рассказывает об острове, воспроизводя текст «нарядно изданного путеводителя», приобретенного «специально для того, чтобы не дать маху в последующих разговорах с родственниками» [3; 329]. Вооружившись этим путеводителем, никогда не бывав на острове, Валентин красочно рассказывает «о куполах Преображенской церкви, увенчанных деревянными крестами и словно взбегающих вверх к луковке главного купола; о чудесной резьбе, покрывающей наличники; о мельнице, стоящей неподалеку от храма и напоминающей огромный вентилятор; о Покровской церкви и колокольне рядом с нею; о легендарном строителе Несторе, бросившем по преданию свой топор в синие волны Онеги после окончания постройки со словами, что не было, нет и не будет такой церкви; о самих синих волнах Онеги, заключающих островок в спокойную оправу и отражающих высокое тихое небо...» [3; 329]. В рассказе героя фактически смоделирована экскурсия, которой в действительности не было, но которая выступает здесь в качестве неотъемлемого атрибута посещения острова по туристической путевке.

В новелле писательницы и правозащитницы И. Бурковой «В Кижь» героиня по дороге на остров начинает рассказывать своему спутнику об острове и Кижском погосте, и ее монологи

структурно приближены к тексту путеводителей. Еще до посещения острова он оказывается ей знаком по книжным источникам: «Начиталась когда-то о них (Кижах. – Н. Ш.), любясь фотографиями в альбоме» [2; 80]. Разворачивающийся в одном из эпизодов новеллы диалог – условный, состоящий из разбитого вопросами собеседника монолога-экскурсии об истории места, особенностях архитектуры Кижского погоста, технологиях древнего деревянного зодчества. Такой «экскурсионный» текст в неофициальной обстановке романтического приключения приходится дополнительно мотивировать: «... заговорила невольно тоном гида и тут же оправдалась перед собой: искусство не позволяет осквернять себя опрошенной, разговорной речью с мусорными словечками» [2; 80].

Вообще, без исторической справки или экскурса развернутые прозаические тексты о Кижах обходятся редко. И формируется эта закономерность весьма рано. Так, в определенном смысле родственны и содержательно, и функционально этим константным историческим экскурсам кижских сюжетов две главы о кижском восстании в повести К. Паустовского о Петрозаводске «Судьба Шарля Лонсевилля» (1935), написанной в те годы, когда о музейных мотивах, как и о музее, еще речи не шло. Под функциональным значением мы имеем в виду просветительскую окраску этих текстовых элементов. За счет регулярно встречающихся исторических пояснений, комментариев, будто переключивающихся в художественную прозу из путеводителей и исторических документов, эта функция вообще весьма заметна в кижских сюжетах. С точки зрения содержания обращают на себя внимание константные элементы этих исторических отступлений или экскурсий, восходящие к основным «легендам местности». Чаще всего это легенды о постройке Преображенской церкви, о мастере Несторе и историческое предание о Кижском восстании.

Имплицитно противопоставление музейного и живого, официального и неофициального, о котором говорилось в начале статьи, проявляется и в экскурсионных эпизодах кижских сюжетов. Рядом с экскурсиями официальными в «Кижских рассказах» изображены экскурсии неофициальные, спонтанные, живое общение туристов со старожилами острова. Речь такого старожила передана в сказе В. Пулькина «Плотницкая слава»: «Ты на старика не серчай... А только я экс-

курсантам иначе обо всем рассказываю. Собиру их, когда вы, экскурсоводы, от них отступитесь, и сам веду! Им все интересно – и то, как, к примеру, водяную мельницу мы из березовой Сельги перевозили, в снег глубокий, по сугробам, ломили дорогу к ней полтора десятка лошадей, да вокруг люди откапывали день целый» и т. д. [12; 249]. Этот мотив «неофициальной экскурсии» кажется очень органичным для «Кижских рассказов», где автор вообще стремится зафиксировать внутреннюю живую жизнь острова, ту самую, которая часто недоступна для туристов.

Музейные реалии, таким образом, входят в кижские сюжеты, в первую очередь, как атрибут места, становясь одним из константных пространственных мотивов, подчеркивающих уникальность заповедного острова. Особую роль здесь играют, по всей вероятности, и особенности поэтики путевого очерка и туристического путеводителя, границы влияния которых в кижской прозе еще предстоит уяснить. Но уже сейчас можно констатировать, что в художественных текстах, в отличие от чисто очерковых, музейные мотивы появляются не в качестве механического отражения пространственных реалий, но принимают на себя дополнительные ценностные значения (искусственное/подлинное, живое/мертвое). Эти значения разнятся у разных авторов и в то же время в совокупности составляют единое поле экзистенциальной по своему характеру проблематики, на которую отзывается в той или иной степени каждый из кижских сюжетов русской литературы.

В целом, музейные мотивы занимают важное место в литературной репрезентации острова Кижи, являясь одним из наиболее стабильных и структурно связанных элементов кижских сюжетов. Интересно было бы сравнить частотность музейных мотивов в кижской прозе с аналогичными в литературной репрезентации других северных островов, особенно с соловецким текстом. Но думается, результат такого сопоставления можно предположить заранее. И в соловецком тексте, гораздо более обширном в хронологическом и тематическом плане, музейные реалии не будут иметь определяющего значения, уступив его образам и мотивам, связанным с монастырем. В этом отношении кижские сюжеты, сформировавшиеся в прозе XX века, обладают, как мы видим, спецификой, выделяющей их среди других островных текстов.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так называлось одно из первых живописных полотен, изображавших Кижский погост в начале XX века (художник – И. Шлуглейт).

² Вынесенная нами в заглавие формулировка «остров-музей» заимствована из цитируемой книги В. Пулькина и является авторским неологизмом. В действительности она не употребляется в музейной документации. Но замечательно характеризует как авторское восприятие места (в том числе в соположении с вполне употребимыми терминами «музей-запо-

ведник» или «дом-музей»), так и сложную природу кижских образов в литературе, где реалии тесно соседствуют с мифологемами и по законам художественного текста чаще всего принимают на себя дополнительные символические значения. В рамках использованной в данном случае писателем формулы, например, остров и музей отождествляются, сливаясь в единое и при этом уникальное целое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов Е. В. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 509 с.
2. Буркова И. Е. В Кизи // Буркова И. Е. Везучая. Рязань: Узорочье, 2000. С. 72–85.
3. Житинский А. Н. Путевка в Кизи // Житинский А. Н. Седьмое измерение. СПб.: Амфора, 2001. С. 309–330.
4. Казаков Ю. П. Адам и Ева // Казаков Ю. П. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Странник. М.: Русский мир, 2008. С. 255–281.
5. Кизи: Указатель литературы. Петрозаводск: РИО Комиздат РК, 1995. 88 с.
6. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 325 с.
7. Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: ООО «Журнал “Звезда”», 2012. 536 с.
8. Музей-заповедник «Кизи». 40 лет. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 208 с.
9. Музей и личность / Отв. ред. А. В. Лебедев; Сост. М. Ю. Юхневич. М., 2007. 168 с.
10. Нагибин Ю. Дневник. М.: Книжный сад, 1996. 704 с.
11. Носов Е. И. И уплывают пароходы, и остаются берега // Носов Е. И. Усыатские шлемоносцы. Л.: Лениздат, 1982. С. 237–291.
12. Пулькин В. Кижские рассказы. М.: Сов. писатель, 1973. 264 с.
13. Стрелкова И. Лёшка и хиппи // Советская женщина. 1973. № 1. С. 32–33.
14. Шилова Н. Л. Кизи как идиллический локус в русской прозе 1970-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 7 (136). Т. 2. С. 78–81.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ISLAND-MUSEUM: ON SPECIFICS OF LITERARY REPRESENTATION OF KIZHI ISLAND

Museum motifs as characteristic features of the Kizhi topic in Russian literature are considered in the article. The status of the museum located on the Kizhi Island distinguishes the island from other islands both as a fictional (Utopia, the island of Buyan, the islands of the blessed) and real. Realities of the museum (the size of the museum, tour presentations, images of curators, and visitors etc.) have saturated multiple literary texts. The article describes the texts' semantics and the role that museum realities play in the storyline development. A research has also revealed particular qualities of their literary representation. The research is based on the materials of Russian literature on Kizhi Island written in 1930–2000s.

Key words: motif, poetics, realities, island text

REFERENCES

1. Barsov E. V. *Prichitan'ya Severnogo kraia, sobrannye E. V. Barsobym* [Lamentations of the Northern Region, collected by E. V. Barsov]. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 509 p.
2. Burkova I. E. To Kizhi [V Kizhi]. *Burkova I. E. Vezuchaya*. Rjazan, Uzoroch'e Publ., 2000. P. 72–85.
3. Zhitinskiy A. N. A trip to Kizhi [Putevka v Kizhi]. *Zhitinskiy A. N. Sed'moe izmerenie*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2001. P. 309–330.
4. Kazakov Yu. P. Adam and Eve [Adam i Eva]. *Kazakov Yu. P. Sbranie sochineniy: V 3 t. T. 1. Strannik* [Selected works. Vol. 1. Stranger]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2008. P. 255–280.
5. *Kizhi: Ukazatel' literatury* [Kizhi: literature index]. Petrozavodsk, RIO Komizdat RK Publ., 1995. 88 p.
6. Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [Stories of the Russian North]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 325 p.
7. Kuz'michev I. S. *Zhizn' Yuriya Kazakova. Dokumental'noe povestvovanie* [The Life of Yuriy Kazakov. Documentary narration]. St. Petersburg, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga: ООО “Zhurnal “Zvezda” Publ., 2012. 536 p.
8. *Muzej-zapovednik “Kizhi”. 40 let* [Kizhi – an Open Museum. 40 years] Petrozavodsk: Scandaviya Publ., 2006. 208 p.
9. *Muzej i lichnost'* [Museum and a person] / Отв. ред. А. В. Лебедев; Сост. М. Ю. Юхневич. Moscow, 2007. 168 p.
10. Nagibin Yu. *Dnevnik* [Diary]. Moscow, Knizhnyy sad Publ., 1996. 704 p.
11. Nosov E. And swim off ships, and shores remain [I uplyvayut parokhody, i ostayutsya berega]. *Nosov E. I. Usvyatskie shlemonostsy*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1982. P. 237–291.
12. Pul'kin V. *Kizhskie rasskazy* [Kizhi stories]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1973. 264 p.
13. Strelkova I. Leshka and hippy [Leshka i hippy]. *Sovetskaya zhenshchina*. 1973. № 1. P. 32–33.
14. Shilova N. L. Kizhi as an Idyllic locus in Russian prose of 1970th [Kizhi kak idillicheskiy lokus v russkoy proze 1970-kh godov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. “Obshchestvennye i humanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2013. № 7 (136). Vol. 2. P. 78–81.

Поступила в редакцию 18.12.2014